

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В РОССИИ

Мы должны научиться тому, как переводить самые абстрактные проблемы в совершенно практические научные операции

Пьер Бурдьё. Опыт рефлексивной социологии

Следует признать: в стремительном, транзитивном, «ускользающем» (Э. Гидденс) мире, мире «дисперсной или сетеобразной модернити» (З. Бауман) теория катастрофически отстает от практики, открывающей, развивающей и оформляющей в паттерны все новые и новые явления, названия которым в теории еще нет. В этом смысле социальная наука дает большой простор для креативных исследователей, способных выявлять новые смысловые траектории. Казалось бы, уже понятны истоки глобализационного процесса, предсказаны его плюсы и минусы для развития разных регионов планеты, осмыслены болевые точки и возможные риски. Однако, как отмечал З. Бауман, «глобализация подчеркивает резкое снижение, если не полную утрату индивидов над процессами и событиями, влияющими на их судьбы. События в мире носят квазистихийный, непредвиденный, спонтанный и случайный характер»¹.

И действительно: то политические решения, то сдвиги на мировых биржах, то стихийные протесты, выплеснувшиеся на улицы европейских столиц, показывают, что в настоящее время нет достаточно эффективного инструментария ни для измерения текущей ситуации, ни для оценки ее перспектив.

В качестве примера приведем последние, 2018 года выборы президента России, в ходе которых отечественные и зарубежные оппоненты и прямые противники действующего президента организовали ряд санкционных акций и разоблачений с целью негативного влияния на ход голосования. Между тем, 76, 69% (56,43 млн человек) поданных за него голосов не только сняли волнения власти по поводу явки избирателей, но и продемонстрировали особую ментальную реакцию россиян, проявивших неслыханную для посткоммунистического периода жизни страны солидарность. Для примера: в другой стране нелicenseприятная информация о Берлускони уже вывела его за

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество; Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.- 390 с. 152.

пределы итальянского политического истеблишмента, а выступления государственных служащих в столице Франции, скорее всего, плохо кончатся для президента Макрона.

Подчеркнем: несмотря на универсализующие тенденции, характерные для глобализации в сфере науки и техники, экономики и массовой культуры, нивелирующей повседневную жизнь народов, глубинные, архетипические культурные коды продолжают конструировать специфические, уникальные культурные практики. А потому и слабо предсказуемы последствия тех или иных способов воздействия на массовое сознание народов, в особенности, если в качестве объекта выступают граждане не собственной страны. Раз за разом обнаруживается несостоятельность политтехнологических конструкций, разрабатываемых по стандартным алгоритмам, но неспособных подниматься до высоких методологических вершин культурологического дискурса. Следом за П. Бурдьё отметим необходимость уделять методу самое серьезное внимание: «Что на самом деле имеет значение, так это строгость конструирования объекта. Сила (научного) способа мышления никогда не проявляется отчетливее, чем в способности превращать даже незначительные с социальной (и, добавим, с культурной) точки зрения, объекты в научные объекты ... под неожиданным углом зрения»². Мы хотим подчеркнуть, что посредством утилитаристских подходов невозможно объяснить феномен доверия избирателей, проявившийся в компании 2018 года. За таким доверием лежит нечто большее. В символическом универсуме индивидуальная история, конечным пунктом которой является смерть, обретает смысл в единой коллективной судьбе.

Вряд можно считать неожиданным углом зрения тезис о том, что именно культура выступает конституирующим фактором социальных изменений. Не политические решения, порой ведущие к военным действиям, не смещение центров финансового противостояния, не экономические и дипломатические санкции, а – культура. Впрочем, в ставшей бестселлером книге Д. Аджемоглу и Д. Робинсона постулируется и на многочисленных исторических примерах показывается, что вовсе не культура, а институты, их качественное состояние являются фундаментальной причиной и бедности, и богатства. Относя себя к числу сторонников институциональной школы, авторы многократно в тексте своей работы возвращаются к спору с «культурными детерминистами»³.

Соглашаясь с тем, что неправомерно все состояние современного мира и отдельных государств сводить к культурному (или какому-либо иному) детерминизму, с тем, что институциональная структура играет существенную роль в развитии народов,

² Бурдьё П. Опыт рефлексивной социологии // bourdieu.name/bourdieu-opit-refleksivnoi-sociologii

³ Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 692 с.

зададим лишь один вопрос: почему же столь разнятся социальные институты? Что влияло, и продолжает влиять на их становление и трансформацию? Ответ на этот вопрос, данный М. Вебером в его «Протестантской этике...», на наш взгляд, вовсе не утратил актуальности. Добавим к этому, что именно в культурных практиках происходит стихийное конструирование символического универсума (П. Бурдьё), ценностное ядро которого аккумулирует историческое прошлое в коллективной памяти, служит точкой отсчета для конструирования будущего. В том числе, заметим, и будущего глобального мироустройства. Отсюда и специфика легитимации членами сообществ определенного типа политического, экономического и социального устройства. Как это сегодня проявляется, в частности, в парадоксальном оправдании частью электората политики сталинизма (чем это отличается от института божественного происхождения царской власти в древних цивилизациях?), в принятии коррупционной практики как российской неизбежности и практики собственной повседневной жизни, в гипертрофированных формах неприятия европейских ценностей (это словосочетание в последнее время все чаще пишут в кавычках).

Надо признать, что и сами западные интеллектуалы не удовлетворены сдвигами в системе европейских ценностей. Так, чешский блогер Дан Ниел с нескрываемым сарказмом пишет: «Ценно, например, производство и поедание чисто химических продуктов, которые несколько не обременяют природу своим ростом, как ценна и ликвидация тех продуктов, которые пусть и выросли в природе, но, к сожалению, своим внешним видом не соответствуют европейской системе ценностей. Великолепной европейской ценностью также является полное игнорирование мнения граждан, разгон дубинками и водяными пушками, а также использование слезоточивого газа и уничтожение права на свободу и частную жизнь индивида. ...Нам не стоит забывать и о детях. Они тоже с малых лет впитывают европейские ценности в виде сексуального попустительства, торговых отношений с их участием по норвежскому образцу, а также в виде снижения уровня образования, «дебилизацией» школ. Бесспорной европейской ценностью является клеймение отличных от официально одобренных и политических корректных мнений. Благодаря этой ценности в области информации у нас уже нет хаоса. Также в этой связи нельзя забыть такую европейскую ценность, как утаивание текущих событий и переписывание истории в соответствии с сиюминутными нуждами правящей группы умственно отсталых людей... Определенно, нам есть что предвкушать

в будущем, и наконец-то уже никому не придется мучиться с устаревшими ценностями наших предков: построй дом, роди сына и посади дерево»⁴.

Очевидно, что и этот перечень, и его продолжение, содержащееся в блоге, могут быть предъявлены не только к Европе, но, практически, к любой стране любого региона мира. То есть, и в этой, негативной стороне ценностных систем современного мира также немало общего (при этом, рука не поднимается писать о том, что эти ценности – «общечеловеческие»). Мы хотим лишь подчеркнуть, что в ценностях российской и европейской цивилизаций значительно больше общего, чем различий. Позволим себе пошутить: например, экологические ценности видятся в Европе и в России по-разному. Так, Европа категорически отказывается от меха. На последнем модном показе в Милане доминировал экомех – современный аналог советских шуб, которые тогда называли «чебурашками». Нам трудно представить себе времена, когда Россия в этом предпочтении последует за Европой.

Между тем, интенсивное обращение к теме истории нации, социальной памяти, к семейной биографии, ожесточенные споры вокруг концепции отечественной истории, преподаваемой в школе, интерес, который выплескивается далеко за пределы профессиональной исторической науки – симптомы ослабления легитимации существующего порядка. В целях ее укрепления многочисленные книги, художественные и документальные фильмы обращают людей к тем временам, когда «кровь народа смешалась с почвой отечества». В политической риторике педалируются такие понятия, как «Русский мир», трактовка которого открывает довольно большой диапазон широких и узких интерпретаций. От «Русского мира» как уникального культурно-цивилизационного феномена глобального масштаба (подобными мирами обладают, наряду с Россией, только Испания, Португалия, Франция, Китай, а также Великобритания вместе с Ирландией, считает В.А. Тишков⁵), объединенного русским языком и культурой, до модели консолидации соотечественников, живущих за рубежом.

И дело не только в численности людей, выехавших за пределы Отечества. Так, понятия «индийский мир» не существует, несмотря на огромную внешнюю эмиграцию. В чем же причины? Ведь извне представляется, что индийский культурный универсум не только уникален, но и целостен, узнаваем с первых же признаков. Объясняется ситуация тем, что в Индии разговаривают на 447 различных языках, а диалектов и вовсе – около 2

⁴ Niel Dan. Evropské hodnoty // <http://czechfreepress.cz/blogy/evropske-hodnoty.html> Цит. по: <https://inosmi.ru/social/20160625/236978059.html>

⁵ Тишков В. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkoyazychnoe_naselenie_v_stranah_sng_i_baltii.html

тысяч. В соответствии с Конституцией Индии двумя языками работы национального правительства, то есть государственными языками, являются хинди и английский. Зачастую английский становится языком общения между образованными жителями разных районов страны. Владение английским позволяет эмигрантам быстро ассимилироваться в принимающих государствах, а их дети часто не знают языка своих предков, их традиций и обычаев. Результат – полное «растворение» иммигрантов в общей массе титульного населения.

Консолидацию соотечественников продемонстрировала активность в их голосовании на выборах президента в марте 2018 года. Предполагаем, что голосование это – протестное, его причина – в желании поддержать Отечество в ситуации давления на него со стороны бывших союзников. В желании, обусловленном как раз чувством принадлежности к символическому универсуму, выходящему за пределы государственных границ. Даже при том, что восприятие универсума может носить весьма критический характер – ведь среди причин, побудивших российских граждан уехать за рубеж, немалый вес имеют вовсе не символические обстоятельства, а связанные с неприятием тех ценностей, которые трудно или невозможно игнорировать. Более того, предположим даже, что «наезд» на Россию со стороны западных держав был расценен как угроза символическому универсуму, принадлежность к которому – вне зависимости от территориальной привязки человека и его претензий к власти – ощущается как онтологическая, родовая характеристика собственной личности. Возможно, что подобные моменты актуализируют психологическую потребность в защите родового универсума от внешних угроз. В этом смысле не имеет значения конкретное имя кандидата в президенты, хотя процентный расклад в голосовании за рубежом в некоторых случаях сильно отличается от среднего итогового. Так, в Амстердаме из 1093 человека проголосовавших: Путин — 49,12 %, Собчак — 27 %, Грудинин — 8,2 %; в Копенгагене из 931 человека: Путин — 62,3 %, Собчак — 14,72 %, Грудинин — 10,96 %; в Лондоне из 3721: Путин — 51,79 %, Собчак — 23,42 %, Грудинин — 8,88 %; в Тель-Авиве из 2 069: Путин — 68,76 %, Собчак — 16,34 %, Грудинин — 5,46 %; в Гонконге из 411: Путин — 54,74 %, Собчак — 19,46 %, Грудинин — 10,95 %⁶.

Учитывая, что конструкция символического универсума не является неизменной (а изменения обычно обнаруживаются в те периоды, когда возникает необходимость их легитимации), исследовательской культурологической задачей становится выявление и объяснение факторов, влияющих на его динамику. К их числу относится и фактор принципиального изменения научно-технического ландшафта культуры, и

⁶ <http://www.the-village.ru/village/business/figures/305931-zagranitsa-golosuet>

взаимодействие с носителями других культур (в силу иммиграционного процесса, военных действий и пр.), и напряженность политического окружения. Именно тогда междисциплинарная методология культурологического подхода способна реализовать свой потенциал.